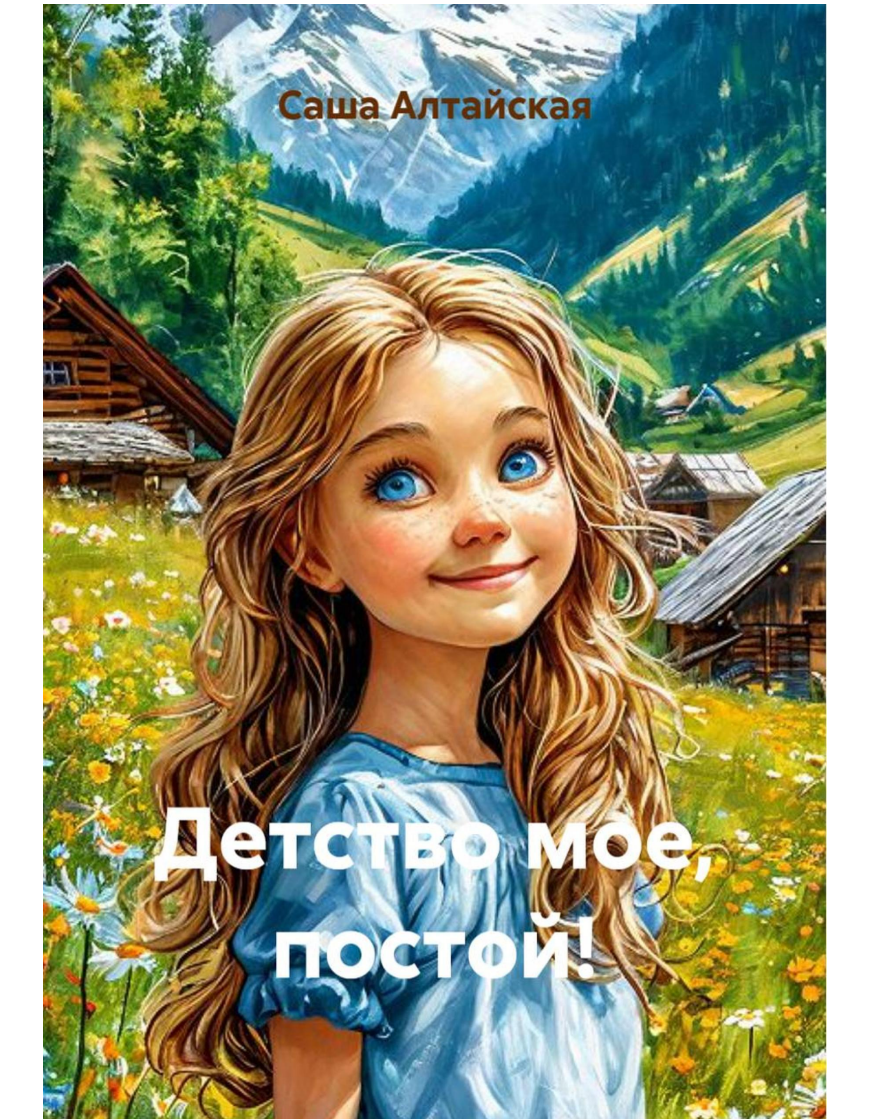

Саша Алтайская

Детство мое,
постой!

Саша Алтайская

Детство мое, постой!

<https://litres.ru/74442774>

SelfPub; 2026

Аннотация

В этой книге истории из жизни маленькой девочки с Алтая. Это живые эмоции ребенка 60 - х годов.

Помните то самое чувство, когда солнце светит как-то по-особенному? Когда мир — это твоя улица, двор с друзьями.

Мы носились там до самых звёзд, а лучшая дружба скреплялась не клятвами, а одной на двоих конфетой или честным «честное слово!»

Если кто-то падал с велика — мы тут же мазали коленку слюной и прикладывали подорожник, и боль улетучивалась магическим образом!

Обиды тогда были похожи на проливной летний дождь: побурлит пять минут над сломанной игрушкой, а потом бац — и снова солнышко, вы опять лучшие друзья навеки .

Злиться дольше получаса было физически невозможно, ноги сами несли нас обратно во двор.

И казалось, что во дворе солнце светит только для нас

Саша Алтайская
Детство мое, стой!

Глава 1. Домашний цирк

В детстве я частенько болела, поэтому большую часть времени жила у бабушки с дедушкой — с моими ангелами-хранителями!

Когда болезнь отступала, во мне будто пробуждалась новая жизнь — и вместе с ней вспыхивала неукротимая тяга к танцу. Я кружилась, взмахивала руками, топала ножками — и каждое движение звучало как ликующее «Я жива!». С детской радостью я демонстрировала свои танцы всем вокруг. Прибегая к соседям в гости, я спрашивала: — Можно я у вас попляшу? Никто не отказывал.

— Пляши, Светочка, — и в 10-й раз смотрели умирающего Лебеда в моем исполнении.

А когда соседи вечерами собирались на завалинке, мой концерт — не только с танцами, но и с песнями — продолжался.

Однажды баба с дедом повели меня на живой балет, радости не было предела. Мы сидели в первом ряду, и с нашего места все было хорошо видно.

...И вот из-за кулис выплыли они — балерины. Настоящие фарфоровые куколки, только живые. На них были надежды пышные короткие юбочки-пачки, похожие на сахарную вату или облака.

Они легко порхали по сцене, садились на шпагат прямо в

воздухе, кружились волчком.

Ах, как же это было красиво!

Я смотрела на них, затаив дыхание, и боялась моргнуть.

Мне непременно захотелось такую же воздушную юбочку, так же кружить на одной ножке и так же легко, как бабочка, порхать по сцене.

Рассматривая балерин, я наклонялась то вправо, то влево, пытаюсь заглянуть им под юбочку.

Но чем дольше я всматривалась, тем сильнее во мне крепло тревожное недоумение.

— Ба, — шепнула я бабуле в самое ухо,

— А где трусики? — прошептала я.

Юбочка-то — крошечная, едва попу прикрывает! А трусиков не видно.

По моим расчетам, любая приличная девочка при таком резком взмахе ногой в потолок просто обязана была продемонстрировать всему залу нательное белье... Хотя бы краешек. Ну, конечно, не хлопковые плотные панталоны, а хотя бы маленькие трусики...

А у нее ничего нет?!

Объяснение было позже, после представления.

Оказывается, они танцуют в особенных колготках. В то время мы не знали, что это такое. Откуда?

Знали одни чулки на резинках с «зажимами-прищепками», которые иногда подводили и отстегивались.

...С того дня я просто бредила балетом. Дома перед ба-

бушкой без конца показывала новые па, придуманные на ходу.

И вот однажды эта балетная страсть вылилась в совершенно фантастический сон.

Приснилось мне, будто я тоже настоящая прима-балерина. На мне балетная пачка, пуанты туго затянуты, а я такая изящная, иду по тонкому-тонкому тросу под куполом цирка. Нисколько не страшно, только музыка играет! Публика ахает, кричит: «Бис!»

Просыпаюсь утром, сердце стучит, как будто только прыгнула с каната. Бабушка тут как тут.

— Как спалось, Светлячок?

И я ей про сон свой рассказываю.

— Бабуленька, я хочу так же бегать по веревке. У меня получится.

Вы бы видели их лица! Дедушка с бабушкой переглянулись, но отказывать больному ребенку? Да никогда!

Им же хотелось угодить своей принцессе любой ценой. У них внутри прям лампочка загорелась: «Надо исполнять мечту!»

Дедуля тут же притащил из сарая плетеный канат диаметром с 5-копеечную монету. Прикрутил его намертво к железной спинке кровати (крепость, а не узел!), а сам встал с другой стороны, уперся ногами в пол и натягивает его изо всех сил, пыхтит.

Баба аккуратно взяла меня под белые рученьки, поставила

меня босыми ножками на эту веревку и страхует за талию.

А канат возьми да и просядь подо мной почти до самого пола! Прямо как гамак. Что вы хотите.? Я весила тогда 15-16 килограммов.

Стою я посреди комнаты на этой провисшей макаронине, пошевелиться боюсь. Какой там балет! Сделать шажок не могу...

А бабуля меня чуть подталкивает и говорит: — Ну, иди... иди... А я стою как вкопанная.

Мне вдруг сразу расхотелось выступать, честное слово, без слез и без обид на кого-либо.

Мои мечты сразу рухнули.

Гастроли перенеслись на неопределенный срок.

Но знаешь, какие же они у меня молодцы!

Дедуля с бабушкой моментально дали мне понять, без всяких долгих лекций и нравоучений, что невозможно ходить по канату без специальной подготовки. Просто раз — и показали суровую правду жизни.

Хождение по канату оказалось совсем не легким делом, а очень даже твердым орешком. Зато теперь я точно знаю: хочешь летать над сценой — сначала придется долго-долго тренироваться, набивать мозоли и тянуть носочки. Так что пока мой потолок — это пляски дома или занятия в танцевальном кружке, где хотя бы пол не пытается уехать из-под ног.

Подушкин секрет

Моё детство было похоже на бесконечный сериал про болезни. Я болела так часто, что детский сад казался мне какой-то недостижимой страной.

Но в четыре года случилось чудо: болезни отступили, и родители решили отправить меня в детский сад. Для такого важного события мне купили лакированные голубые сандалики для сменки. Они сияли так, что в них можно было смотреться, как в зеркало. В моей голове это была не просто обувь, а статусный предмет, как корона у королевы.

К этим красивым новым сандалиям я выпросила у бабушки купить мне колготки, как у балерин, желательно белые.

Мне не хотелось ходить в чулках с прищепками, которые частенько отстегивались, и чулки сползали.

А в колготках удобно, и с сандалиями будет смотреться красиво!

Бабушка только качала головой, называла меня кокеткой, но одну пару колготок, светло-коричневого цвета, она где-то купила. В то время это был большой дефицит.

И вот он, мой первый день...

Я очень волновалась и для поддержки взяла с собой маленького фарфорового ангелочка.

Втянув голову в плечи, я вошла в группу.

Мальчишки бегали по игровой, а девочки копошились в

углу за деревянным стеллажом, расставляя игрушки.

Они приняли меня в свой коллектив беззвучно и легко, словно я была частью их дружной семьи, и сразу потянулись ко мне, словно искали новую подругу, — и вдруг стало не страшно.

Мы играли. Потом были разные занятия. Всё шло хорошо. Этот досуг даже начал мне нравиться, пока не наступил после обеда священный час — подготовка к дневному сну.

Раскладушки расставлены, шторы задвинуты, свет приглушен.

Строгая воспитательница Мариванна зычным голосом скомандовала: «Раздеваемся!». Все послушно сложили свои пожитки на стульчики, а сменку — рядом со стулом. Когда я посмотрела на эту обувь, то обомлела.

Вокруг — настоящая обувная катастрофа! Грязные, серые, поношенные сандалии, какие-то бесформенные чешки... Ужас-ужас.

А мои лакированные сандалии? Они сияли, как бриллианты на витрине.

В моей детской голове сработал инстинкт собственника. Я была абсолютно уверена: оставишь такую красоту на виду — пиши пропало!

Их обязательно присвоит тот, кто проснётся первым. Это же закон жизни! Решение пришло мгновенно и казалось гениальным.

Я же умница: чтобы обувь не потерялась, спрятала свои

любимые сандалии под подушку.

Подушка вздулась сзади смешным горбом, превратив меня в сказочного горбунка, но зато мой личный сейф был надёжно запечатан.

Первые пять минут мне было уютно лежать на подушке. Я радовалась.

Я чувствовала себя хранительницей сокровищ.

Но потом началось самое интересное. Подушка оказалась не такой уж мягкой, когда под ней лежала негнущаяся лакированная подошва. Моя голова начала протестовать против этой конструкции. Я пыталась повернуться на бок, но сандалии предательски впивались то в шею, то в плечо.

Ощущение было такое, будто я пытаюсь уснуть верхом на заборе.

Наконец, сон сморил меня, и я уснула... Моя голова сползла куда-то вбок, а сандалии предательски высунулись из-под подушки.

Мариванна, увидев это безобразие, поставила их под мой стул с одеждой.

Проснувшись, я обнаружила, что сандалий моих нет... Беда.

Значит, кто-то их надел, и теперь я их больше никогда не увижу!

Только я собралась громко зареветь, как воспитательница хитро улыбнулась мне и показала пальцем: «Да вон они стоят, твои беглецы!»

Я подумала, как хорошо, что мои сандалики никуда не ушли и дождались меня.

Им не хотелось отправляться в путешествие на чужих ножках.

А когда пришла за мной бабушка, воспитательница всё ей рассказала, и они долго смеялись и подшучивали надо мной и моими сандалиями.

Прости меня, Муся

Сейчас у нас всё просто: взял шариковую ручку — и готово, сразу пишешь, никаких забот! А в моём детстве это был настоящий квест. Представь: чернильница, перо, которое нужно аккуратно макать... Чуть не так — и сразу клякса. Да это же целая наука!

И вот однажды вечером, когда я была в гостях у бабушки, мне тогда стукнуло лет пять, меня посетила «гениальная» идея. Подхожу к бабушке — глазки как у кота из «Шрека», голосок — сама невинность.

— Бабуль, ну дай мне, пожалуйста, чернильницу и перо! Я буду рисовать! Буду о-о-очень аккуратной! Честное пречестное.

Бабушка, добрая душа, поверила. И поставила бутылку с чернилами (300 мл) на стол. Дала ручку, бумагу. «Смотри... не разлей!...»

Сама пошла закрывать ставни (дело шло к ночи), а я оста-

лась рисовать за столом. На самом краешке стола сидела наша кошка Муся и с видом строгого критика наблюдала за моим «творчеством».

И вот я сижу, макаю ручку с пером... В комнате тихо-тихо. Кошка смотрит на меня, а я смотрю на кошку. И тут... что-то пошло не так.

Как?!

Как эта бутылка опрокинулась?! Это до сих пор загадка. Но факт остаётся фактом: на клеёнку вылилась целая «Ниагара» фиолетовых чернил. Стол превратился в чернильное море. Клеёнку теперь можно было только выбросить — отмыть это было нереально.

Сердце моё ушло в пятки, сижу в полном шоке. В голове одна мысль: «Беда! Что же будет мне за это?! Я же обещала, что не разолью! Что я скажу ей? Она же мне верила!» Бабушка в этот самый момент как раз закрывала ставни... И, как выяснилось позже, всё прекрасно видела в окно. Стояла там и, наверное, думала: «Ну какая же засранка, всё-таки пролила... Ну и как мне это оттирать?» В общем, когда бабушка вошла в дом, а она у меня ещё та актриса, она разыграла целый спектакль.

Увидев чернильную катастрофу, она схватилась за грудь и проговорила:

— Боже, что ты наделала?!

— Это не я, бабуля, — стала я уверять бабушку, да так убедительно, что почти сама себе поверила. — Это Муся!

Это она своим пушистым хвостом как махнула — и бутылочка упала!

Муся, конечно, была в шоке от такой подставы, но промолчала. Бабушка, хитрая лиса, сделала вид, что поверила. Она тут же принялась отчитывать бедную кошку. А Муся, будто назло, собралась по своим делам, направилась к двери и громко замяукала.

Они, как будто сговорившись, разыгрывали для меня драму. Бабуля, продолжая ругаться, открыла ей дверь и, помахивая полотенцем, громко крикнула вслед:

— Уходи и не приходи больше. Ишь ты какая! Живи теперь на улице, мне такая кошка не нужна.

Она ждала моей реакции. Думала, я сейчас разрыдаюсь и во всём признаюсь.

Ага, размечталась! Я сидела тише воды, ниже травы и молчала как глухонемая. Ни один мускул на лице не дрогнул!

Вечером, когда мы легли спать, я всё думала о своей Мусе: как ей там на морозе? Наверное, уже замёрзла. И так ярко представила эту картинку, что горько заплакала.

Бабушка обняла меня и стала успокаивать... и тут меня прорвало...

Плотина лжи рухнула, и хлынул поток правды.

— Это я, бабушка... это я пролила чернила... а не кошка! — выкрикнула я, захлёбываясь рыданиями. Слова вырывались из меня вместе с истерикой: — Лучше ты меня выгони на улицу вместо Муси!

Но она не стала ругаться. Вместо этого она крепко прижала меня к себе и поцеловала в макушку. А потом тихо сказала:

— А я знаю, моя дорогая. Я всё видела через окно.

Её слова прозвучали как приговор и как помилование одновременно. Она отстранилась, посмотрела мне в глаза и с улыбкой добавила:

— Какая же ты молодец, что призналась. Теперь кошку можно пустить домой.

Она поднялась с моей кровати и пошла открывать дверь в сени. А наша кошка, оказывается, уже давно спала на тёплой печке, не ведая ничего... и в ус не дула. Спектакль заканчивался без её участия.

Моя первая двойка и триумф красных звёзд.

Мы с Юркой Павловым — неразлучные друзья, не разлей вода!

И вот он пошел в первый класс на год раньше меня, а я еще спокойно жила, отдыхала от школы. Раньше мы с ним с утра до вечера играли во дворе, придумывая разные игры. А тут всё изменилось: пришла школа — и беззаботные игры остались в прошлом.

Как не приду звать Юрку во двор поиграть, а его бабушка говорит: — Юра уроки делает.

На другой день иду звать погулять и опять его бабушка так серьезно: — Он уроки делает...

Я стою, глазами хлопаю. Что это за УРОКИ такие!?

На третий день прихожу — та же песня. Как не зайду — он там сидит с какими-то УРОКАМИ.

Слова "уроки" я раньше не слышала и смысла этого слова не понимала, но мой детский мозг выдал самую понятную мне теорию Юркиного заточения — это он, наверное, бабушке из ниток КЛУБКИ накручивает.

Раньше, когда я приходила к Юрке, его бабушка сидела на крыльце и вязала, а рядом всегда стояла корзина полная клубков ниток. И вдруг меня такое зло взяло : он что, теперь бабушке всегда клубки мотать будет? — подумала я, и прищурившись спрашиваю:

— А можно я посмотрю, как он делает уроки? Я только одним глазком, пожалуйста.

— Неча смотреть, иди отседова...не мешай! Ишь ты...посмотрит она. В воскресенье приходи — отвечала мне Юркина бабушка.

Узнала я о настоящем значении слова "УРОКИ", когда сама села за парту, открыла букварь и до меня наконец дошло: никаких тебе ниток и клубков! Это они так называют скучное сидение над прописями! Ожидала таинственную учёную миссию, а получила крючки и палочки.

Знаете, как это бывает в первом классе? В начале года за самые лучшие буквы в прописях учительница ставила толь-

ко солидные 5 и 4. Иногда проскакивала тройка, мол, ну ладно, сойдёт. А двойки... Двоек не было вообще! Это была какая-то волшебная запретная зона — либо молодец, либо мы тебя просто пока не оцениваем.

Я, видимо, писала так себе, поэтому оставалась без оценки, совсем, долгое время. Листочек пустой, а внутри трепетное ожидание — вроде старалась, а результата ноль.

И вот настал тот самый день. День, когда учительница решила спустить на нас грозу и начала ставить двойки.

А у меня была просто катастрофа с прописью. Нарботать правильный наклон для меня было нереально: моя ручка то заваливалась на бок, то стояла по стойке смирно. А стальное перо царапало бумагу, от этого появлялись кляксы, похожие на медуз, — мама дорогая, и надо было переписывать всё сначала.

К тому же у меня была война с буквой «Ш». Она мне никак не давалась! Я честно пыталась нарисовать три палочки, а рука жила своей жизнью. То четыре палочки нарисует, то целых пять. Получался какой-то странный, кривой забор.

И вот она, моя первая оценка в первом классе! Жирная такая красная двойка! Гадкая такая, как змея, и красная от злости. Моя личная премьера! Было до слёз обидно, прямо комок к горлу подступил.

Но моя мама, увидев двойку, взялась за меня всерьёз. Мы каждый вечер заново прописывали эту треклятую «Ш», и другие буквы, пока рука сама не запомнила движение. И

что вы думаете? Через пару недель. Помню как вчера,—беру свою пропись трясущимися руками, переворачиваю страницу, а там красуется она — ПЯТЕРКА! Огромная, кругленькая, с таким красивым завитком внизу.

От этого внезапного счастья моя улыбка растянулась буквально до самых ушей. Сердце стучало где-то в горле, а ноги стали ватными.

Стыдно признаться, но мне вдруг стало дико неловко перед всем классом. Показать бурную радость было слишком неудобно. Я растерялась и тихонько сползла под парту! Просто взяла и нырнула туда прямо со стула. Сажусь там, свернулась клубочком, прижимаю эту драгоценную тетрадку к груди и улыбаюсь, и улыбаюсь! Только я, мое счастье и эта красная пятерка. Хотелось спрятать ее подальше от посторонних глаз, чтобы ни с кем не делиться этим счастливым мгновением своей нелегкой жизни.

Во второй четверти я уже превратилась в круглую отличницу! Вся тетрадь по письму сверху донизу была залеплена красными звездами.

Получил пятёрку за домашнее задание — получай красную звезду на обложку тетради. Пусть все видят, сколько у тебя пятёрок! Настоящее звёздное небо! Мы ими жутко гордились. Выходишь к доске отвечать, тянешь тетрадь, чтобы все увидели обложку... Это был наш личный парад звёзд. Показываешь её одноклассникам, хвастаешься, чуть ли не носишь, как медаль.

Вот он вкус настоящей победы над кривыми буквами. С тех пор я точно знаю — если упорно трудиться, стараться делать УРОКИ, рано или поздно получишь свою собственную галактику из красных звёзд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.